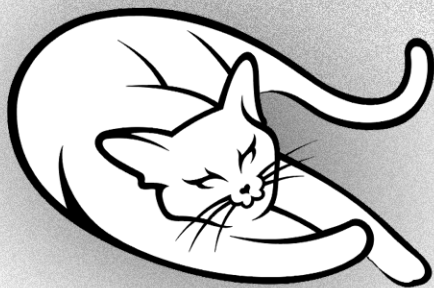
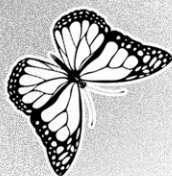

Наталья МОЛОВЦЕВА

Новохоперск, Воронежская обл.

рассказ

Если бы она знала, что будет так больно, упала бы в ноги, просила-умоляла: останься! Гордость? Чего она стоит, гордость, зачем она нужна, если сердце превратилось в открытую рану, в комок боли?..

Проводив детей в школу, она целыми днями сидела, тупо уставившись глазами в одну точку. И ничего не видела. Кажется, она ни о чем даже не думала, а только перебирала и перебирала в памяти все, что произошло. Глаза, ставшие однажды холодными и уже не оттаившие снова... Голос, ставший сначала равнодушным, а потом ожесточенным: «Все равно я от тебя уйду! Проси не проси!» Крутилась в голове цветаевская строчка: «Мой милый, что тебе я сделала?.. Мой милый, что тебе я...»

Вечером укладывала детей спать, ложилась сама, но сон не шел. Для того чтобы уснуть, всего-то и надо — протянуть руку и почувствовать тепло его плеча. Но плеча-то рядом и не было. И она опять бездумно глядела в потолок и перебирала, перебирала... Вот он веселый: «Хватит нам этой музыки — я палатку купил! Торговать будем!» А она не обрадовалась, посмотрела жалостливо: «Ой, боюсь — не сумею...»

Дура. Чистоплюйка. Вон сколько ее ровесниц сумело. Труд там, на базаре, конечно, каторжный, но она боялась не труда. Она любила музыку, ей нравилось говорить о ней с детьми и учить их гаммам, а все остальные виды работ казались ей пустыми, скучными. Она опять и опять пыталась ему это объяснить, пока он не крикнул: «Ну и оставайся со своей музыкой! Только уже без меня!»

И без кошки... Вслед за мужем ушла из дома кошка Авдотья. Она решила — специально, чтобы ей больнее было.

А ведь муж и сам был музыкантом — одно культпросветучилище заканчивали. Она — по классу пианино, он — народных инструментов. Но музыка давала так мало средств к существованию! У них уже было двое детей — Юлька и Славик, и дети ходили в школу. Одежка, обувка, учебники и тетради...

«Как он мог?» — в сотый, в тысячный раз спрашивала она себя. Ведь это предательство — бросить не ее — детей! — на произвол

судьбы. Но ведь он предлагал вариант. Чего заартачилась? Чего закапризничала? До капризов ли, когда двое деток?..

А может... Может, дело совсем в другом — она перестала интересоваться его как женщина? Из самой глубины, из самой боли души вдруг выплеснулось:

*Не любимая, а постылая,
Не желанная, а привычная,
Словно в печку — спичкою брошена:
Мол, гори — бог с тобою, безделица...
Вот она и горит — синим пламенем.*

На третий день ее затворничества прибежала Ирка:

— Ты чего на работу не выходишь? Я еле уговорила директрису, еле объяснила...

Вместо ответа она прочитала подруге сочинившиеся ночью строчки.

Ирка села рядом, молча ее обняла.

— Знаешь, Ир, я только сейчас поняла маму.

Когда вернулся из «командировки» отец (все знали, в какой он командировке, но я упорно продолжала твердить подругам о «долгосрочной командировке»), так вот, когда он вернулся, наш дом, вернее городская квартира, наполнился криком и руганью. Я отважилась однажды спросить: «Зачем мы с ним живем?» «Так ведь одной — страшно», — сказала мама. Вот и мне сейчас — страшно.

— Но ведь и так нельзя. Тебя — в печку, и ты покорно готова сгореть? Не-е-т, из этого дела надо выкарабкаться. Как-то выздороветь от него.

Чтобы ускорить процесс «выздоровления», Ирка позвонила ее сестре Надежде. Та приехала, и она ей сказала как во сне: «Ты моложе. Возьмешь и вырастишь их, Юльку со Славиком». «Знаешь что? — вместо сочувствия разозлилась сестра. — Чтобы из-за мужика вот так... чтобы он оказался дороже детей... Ты что — совсем рехнулась?»

Надька до блеска перемыла-перечистила все вокруг и уехала, бросив на диван книжку. Машинально, по старой привычке она ее открыла. «Не переживай будущее — оно еще не родилось. Похорони прошлое — оно умерло. Живи настоящим...»

И тогда она словно очнулась. Вспомнила, с какими лицами дети уходят в школу. Сидят за ужином. Ложатся спать...

В эту ночь она впервые думала не о нем. Она думала о бабушке, к которой мама отвозила ее и сестру каждое лето.

...В маленьком и стареньком бабушкином доме всегда было тепло: зимой — от печки, летом — от солнышка. Но главным источником тепла была сама бабушка. Вяжет и говорит: сказку ли, бль... Кондратьевна (так звали бабушку в родном околотке) всю жизнь прожила на станции, всех здесь знала, и все знали ее. Знали, например, что муж ее ушел на войну — и с войны не вернулся, что всех своих шестерых детей она поднимала одна. Большого образования у бабушки не было (потому всю жизнь мыла, мела да скребла полы в общественных заведениях), зато сердце было большое. Кто ни зайдет в дом — каждого приветит. Если обедает — и гостя накормит, пьет чай — вместе будут чаевничать. Она пеняла бабушке: про такого-то человека на улице плохо говорят, а ты с ним — чаи, на что бабушка отвечала: «Бог с ним, у каждого своя судьба, каждый на свой лад скроен». У Кондратьевны часто просили займы; внучка встревала и тут: «Ну, этот уж точно не отдаст — вся улица об этом знает», на что получала загадочный ответ: «А моя правая рука не знает, что делает левая...»

Вот жила же она одна. И ничего. Значит, сможет и она? Разница между ними, конечно, есть: бабушка была вдова. Она — брошенка...

За всю свою жизнь бабушка ошиблась, кажется, только однажды. Когда она приехала работать на ее станцию, встретила здесь ЕГО и стала советоваться с бабушкой, как ей быть, бабушка сказала: «А что? Глазки у него веселенькие, поди-ка не обидит».

Поначалу и впрямь все было хорошо. У мужа не только глазки, но и характер был веселый, общительный. В любой компании — душа: и разговор поддержит, и шутку вовремя вернет, и споет, и станцует... Когда родились дети — сначала дочь, потом сын — здорово ей помогал. Жена радовалась: разве это не счастье? Ну можно ли мечтать о чем-то лучшем? Но со временем супруг все чаще стал возвращаться домой хмурый.

Ольга его понимала: оба работают, а на жизнь катастрофически не хватает. Вот тогда-то он и купил палатку. А она, дура...

Хватит! Хватит страданий-переживаний! Юлька и Славик — даже без него — должны быть сыты, одеты-обуты и радостны!

Утром она проводила детей в школу и пошла на работу сама. Наверное, на ее лице все-таки остался какой-то отпечаток от пережитого, потому что дети смотрели на нее как-то странно — как на больную. Танюшка, добрая душа, даже за таблетками в аптеку вызвалась сбежать, но она ее уверила: «Нет, не надо. Я уже почти выздоровела. Садись-ка за инструмент».

Параллельно с занятиями надо было готовить несколько номеров для концертной программы в Доме культуры. А тут еще Ирка подогнала дополнительную работу: «В интернате учительница музыки ушла в декрет, директор согласен взять тебя...»

Вспоминать стало некогда. Утром бежала на одну работу, потом на другую; вечером без сил валилась на кровать. Четвероклассница Юлька научилась жарить картошку, второклассник Славик — яичницу. Борщ в большой кастрюле, чтобы хватило на несколько дней, варила она сама.

...В тот вечер она возвращалась домой особенно поздно. Ноги гудели, в голове — музыкальный винегрет... И вдруг рядом затормозила машина. Открылась дверь.

— Садитесь, Ольга Васильевна.

Она в растерянности замерла, не зная, как реагировать.

— Да садитесь же, не бойтесь.

Села, сама не зная почему. В машине было тепло и уютно. Из приемника лилась тихая музыка — не самая плохая. Водитель повел машину не в город, а за. И она почему-то не стала протестовать. Более того, ей было хорошо и уютно и хотелось, чтобы эта дорога, эта поездка не кончались никогда.

— И все-таки...

— Я приехал в ваш город недавно. Но я уже успел заметить вас. Вы выделяетесь среди других красотой и... талантом.

— Ой-ой...

— Вообще-то, по профессии и роду деятель-

ности я человек прозаический — строитель, но на концерты в ДК хожу. Там и увидел вас. Хорошо поете — и вы, и ваши детки. У вас ведь и свои есть, не так ли?

— И даже двое.

— А знаете что? Давайте я привезу вас домой и вы пригласите меня в гости.

Она смотрела на него недоумевающе, но он, тем не менее, продолжил:

— ...И мы проведем этот вечер вместе.

— А... зачем вам это надо?

— Пока сам плохо представляю.

Так весело в их доме не было давно! Ели пожаренную Юлькой картошку, начали смотреть телевизор, а потом выключили его («зачем нам эта мура?»). Болтали обо всем на свете и смеялись...

Он стал приходить к ним часто. И весело было всегда.

Вскоре выяснилась и причина: он женат, но жена хочет жить для себя и не хочет иметь детей. А он — очень хотел бы...

Эта была одна причина. А вторая...

О второй он скажет однажды так: «Твои дети меня приняли. А ты?»

«Неужели... неужели это возможно? — спросила она себя. — Чтобы в доме опять был мужчина. Чтобы оставить изматывающий образ жизни и опять перейти на одну работу. А ночью проснуться — и рядом крутое, теплое мужское плечо».

И по ту сторону счастья — опять будет счастье?..

Она уже знала, где работает его жена. Этот продовольственный магазин она обходила стороной, но теперь решила зайти. Машинально встала в очередь. Когда черед дошел до нее, продавщица спросила:

— Что берете?

— Что?

— Что берете-то?

И поскольку она молчала, ей было сказано:

— Женщина, отойдите в сторонку. И подумайте, что вам надо.

Она вышла из магазина и действительно стала думать. Действительно, что ей надо? Счастья — чего же еще...

А эта — женщина яркая, красивая, напористая. Такая не пропадет ни при каких обстоятельствах. Быстро утешится...

Приближался женский праздник — 8 Марта. Он повел ее в «Подарки» — чтобы она выбрала себе подарок сама. Она и выбрала — янтарные бусы. Продавец-мужчина сказал, что они лечебные. Вот она и излечится с их помощью окончательно — от тоски-кручины...

Она специально выбрала себе подарок недорогой, чтобы на Юльку больше осталось. И Юльке купили новую куртку. После этой покупки он сказал:

— Помоги мне. Надо что-то выбрать и... ей.

Она недоуменно уставилась на него, а он в оправдание заметил:

— Ты же сама не хочешь быть единственной.

— Единственной и неповторимой, — машинально продолжила она. И добросовестно стала шарить глазами по витринам. Вот духи... вот крем... вот чудесный набор косметики...

— Ой, что-то мне как-то не по себе... голова разболелась... Давай отложим?

Он пожал плечами, они вышли к машине, и она попросила отвезти ее домой. А у дома сказала:

— Ты сегодня, наверное, не заходи. Чтобы завтра Юльку больше обрадовать.

Он посмотрел недоуменно, но согласился:

— Хорошо.

И уехал.

А она пошла по дорожке к крыльцу, чувствуя, как гудят ноги. Кажется, пешком не шла, на машине ехала, а устала так, словно десять верст оттопала.

Солнышко уже припекало по-весеннему. Она остановилась, подставив ему лицо. Ласковое. Доброе. Как бабушкина ладонь. Солнышку можно верить...

И вдруг увидела Авдотью: та сидела на ступеньке крыльца так, словно никуда и не уходила, не пропадала, а сидела здесь всегда, преспокойно умывая мордочку лапкой. Ольга обрадовалась так, словно увидела, наконец, долгожданного родственника.

— Заходи, заходи, Авдотьюшка...

В доме первым делом налила кошке молока и долго смотрела, как Авдотья не торопясь, с достоинством управляется с ним. Потом взялась чистить картошку. Попутно думала: вот это событие действительно стоит «увековечить». Об этом она тоже напишет стихи. Две строчки, кажется, уже сочинились:

*...И грустной вряд ли кто меня застанет:
Вернулась кошка — стал приветлив дом...*

А больше... больше им пока никого и не надо...

Наталья Николаевна МОЛОВЦЕВА

родилась в Мордовии.

Окончила факультет журналистики

Московского государственного университета.

Журналист, прозаик.

Автор книг «Меня окликни», «Тонкий серпик Луны».

*Публиковалась в центральных
и региональных литературных журналах.*

Член Союза писателей России.

В настоящее время живет в г. Новохоперске Воронежской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

